

— ПОШЁЛ ВВОН! Эгоист несчастный!

Примерно эти слова прокричала мать в спину отцу, которого она очень бойко выталкивала из спальни. Хотя он совершенно не сопротивлялся, однако вселенская тоска и обида ярко отражалась на его лице в свете неоновой лампы коридора. Несмотря на очередной скандал, отец шел довольно размеренной походкой по направлению в зал вместе с одеялом и подушкой. В те годы я ещё не мог даже догадаться о причинах разлада между родителями но, как и любой любящий ребенок, старался всеми способами их примирить, к сожалению, тщетно. С каждым разом их недовольство друг другом росло и, в конечном итоге настал день, когда они начали спать раздельно.

— Мне кажется, или эта семья разваливается к херам? — задала вопрос моя старшая сестра, Аня, вышедшая из комнаты. Хотя в ответ ей последовала только тишина и всхлипы матери, которая к тому времени сидела на полу в дверях спальни и плакала.

По своей детской наивности я думал, что к утру родители снова помирятся. Однако же, на следующий день от этого чувства не осталось и следа. Отец молча собрал чемодан и ушел, не проронив при этом ни слова. Лишь гром закрывающейся двери раскатом прошелся по квартире. Стоит ли говорить, каким это было кошмаром для ребенка, любящего родителей абсолютно одинаково. Я сидел часами в комнате, смотря в одну точку и понимал, что больше ничего не будет «как раньше». Мне не хотелось ни есть, ни спать, да и жить мне тоже не хотелось. Надежда на то, что отец вернётся как всегда к вечеру и соберёт со мной из конструктора очередную нереальную машинку медленно умирала где-то в глубине души.

К счастью, это прошло через пару дней. Мать, как это ни банально, начала по вечерам запивать свои чувства алкоголем и ругаться с сестрой, которую никак не устраивал тот факт, что единственный оставшийся родитель начал отдаляться от детей. К сожалению, это была бессмысленная борьба с ветром. Каждый следующий вечер сопровождался огненной жидкостью, истериками и скандалами, от которых я старался закрыться в своей комнате, погружаясь в игры с головой и, конечно, наушниками.

Лето подходило к концу и вместе с этим передавало бразды правления весне. Аня уехала в соседний город, где её ждали одноклассники, общага и прочие прелести студенческой жизни, узнать о которых мне предстояло ещё не скоро. Я пошел в свою родную школу, правда, немного, не готовый. Мать так и не оправилась, а её вечерние попойки стали обыденностью, на которую я не обращал внимания всеми силами и способами, что были доступны. Хотя, при попытке выйти в туалет или душ, я всё-равно оказывался невольным слушателем материнского плача, а вместе с ним дуэта бутылки и стакана.

Счастье пришло не заметно. Закрываться в комнате для меня стало привычным делом, из-за чего я не заметил, как всё чаще мама возвращается с работы позже и занимается обычными домашними делами. Моё сердце было преисполнено радости, когда в холодильнике вновь оказались котлеты, а вместе с ними пюре и подлив. В тот день надежда снова постучалась в мою жизнь и поэтому я решил: маме нужно показать, что дома её ждут и любят. К её приходу на столе стоял теплый ужин, горячий чай и булочки, за которыми пришлось самому идти в магазин. В тот день мы вдвоём сидели за столом и разговаривали так, как буд-то ничего не было, хотя в уголках маминых глаз я видел слёзы. Нет-нет, а одна возьмёт и скатится по щеке.

В тот день мы были счастливы. Жизнь снова наладилась и потекла в своей привычной бытовой манере. Необходимость закрываться в комнате отпала. Я вновь был любим.

Всё стало, как раньше.

С тех событий прошло уже пять лет. Аня так и не вернулась в родной дом, но всё-же хорошо устроилась в городе где-то в порту местного межпланетного сообщения. Постоянно присылала разные интересные фотографии из ангаров и иногда даже с изображением внутреннего строения двигателей. Несмотря на то, что мои знания о внутренней начинки челноков были нулевые, я получал море удовольствия просто рассматривая, как выются провода и разнообразные трубки, искренне не понимая, для чего может служить каждая из них. Мама за всё это время ни разу не притрагивалась к спиртному, а даже наоборот, начала вести более активный образ жизни: постоянно таскала меня в походы по горам и разнообразным долинам, неоднократно сплавливались по тихим и бурным рекам, прыгали с парашютами. В общем, было много чего и, грех жаловаться, ведь часто мы занимались всем этим в учебное время. Сама же она, как и раньше, носила по дому свой летний сарафанчик с ремнём и выглядела прекрасно. Может даже и лучше. Часто рассказывала мне анекдоты и весёлые истории из жизни, которые ей рассказали, или она сама где-то вычитала. Все они были разной степени пристойности, но в целом, однозначно были смешны достаточно, что-бы не обращать на это внимания.

Говоря проще, было весело.

Волна экзаменов была уже не за горами. Целыми днями книжки, тетрадки, справочные материалы. От избытка информации, которую требовалось усвоить, мозги кипели, словно пельмени в кастрюле. И это всё несмотря на то, что до экзаменов был ещё год в запасе. Мама настояла. Говорит, лучше сразу выучить, а потом только знания освежить. И с этим я был полностью согласен.

Очередной день подходил к концу, а вместе с этим мрачнело за окном. Из кухни доносился приятный запах жареного сала и шкварчание свежей картошки, обжариваемой на сковороде. Несмотря на то, что в доме было и без того жарко, температура у плиты приближалась к температуре внутри бани. Мама взмокла. Ловким движением лопатки и сковороды она перемешивала картошку, отчего её грудь колыхалась в такт движениям. Грешно признать, но смотрел я на неё в этот момент плотоядными взглядом. Всё-таки длительные умственные нагрузки утомляют мозг, отключая некоторые моральные барьеры.

— Нравится? — спросила мать, оглянувшись на меня.

— Определенно... — я осёкся, но продолжил, дабы не заострять внимания и избежать неловкостей — Давно у нас жареной картохи с салом не было, аж слюнки.

— Уж заметно, — ответила она подмигнув — иди руки мой и садись за стол, почти готово.

На столе меня ждала целая тарелка этого блюда богов, а в довесок к нему солёные помидорки из старых запасов. О, сама судьба велела сегодня нажраться до отвала и забуриться в какую-нибудь стрелялку.

— Надо будет потом банки с солениями обратно составить, а то вытащить одной их было не сложно, а вот составить обратно — проблема.

— Да не вопрос, мамуль, всё спустим. — ответил я с набитым ртом, аки хомяк — Только немного передохнём после еды, дабы не на полный желудок.

— Ну вот и договорились, — мать радушно улыбнулась — что выучил за сегодня?

После этого вопроса я с чистой совестью вылил на неё весь тот поток знаний, что сегодня

пришлось запихнуть в мозги. Вспомнил я, конечно, не всё, но и этого хватило, что-бы она, уморившись, остановила моё повествование и предложила сменить тему. Я был этому несказанно рад, ибо формулы и теоремы просто разрывали мне мозг.

На удивление, после еды мне совсем не захотелось погрузиться в мир стрелялок, как я планировал до этого. На место жажды убивать виртуальных врагов на ум пришли кадры колышущейся маминой груди в лёгком летнем сарафане, который совсем чуточку просвечивал в ярком свете люстры. Эх... Железный стояк определил моё ближайшее занятие где-то на час. Дорвавшись до своего компа, я с нетерпением открыл секретную папку. Ту самую секретную папку, в которой, наверное, каждый школьник держит свою коллекцию понравившейся порнухи и вообще всего, на что можно с удовольствием передёрнуть. Такая папка была и у меня. Было проще назвать, чего там нет. От обычной домашней и любительской, до фистинга и бодмода. Говоря чуть проще и всеобъемлюще — стандартный набор для дочки, основанный на личных вкусах.

Мама была чем-то занята в своей спальне, как всегда, а значит это надолго, поэтому, стянув штаны я взялся за дело, наблюдая за экраном, а точнее за действием, которое на нём разворачивалось. Миниатюрную, коротковолосую блондинку откровенно долбил какой-то смуглый парень, делая своё дело с чувством, с толком, с расстановкой. Судя по выражению лица барышни, её партнёр очень старался. Небольшая грудь тряслась в такт толчкам а ягодицы плющились от ударов. Через некоторое время, видимо устав, парень уложил свою даму на кровать и задрал её ноги повыше, устроившись поудобнее, продолжил действие, раз за разом вколачивая в неё свой поршень. Девушке лишь оставалось лежать и получать удовольствие. Её тело извивалось в руках умелого любовника, демонстрируя уровень получаемого наслаждения и мастерство партнёра. Это всё, конечно замечательно. Но некоторое однообразие ощущалось, поэтому быстро захотелось чего-то другого. Пришлось копнуть поглубже в моё хранилище непотребного контента. Двери бодмода раскрылись передо мной и, немного подумав, открыл наугад и, пожалуй, остался доволен. В мониторе показались две красавицы, по-другому и не скажешь, недвусмысленно присоединяя к одной из них довольно реалистичный, но синтетический фаллос. Ах, технологии. Хоть он и был на вид, как настоящий, как с живого снят, но всё-же, говорят, холодный он, но зато позволяет обладателю чувствовать его, как родной. Во времена, когда эта новомодная штукovina только вышла в продажу, сразу чувствовался ажиотаж, особенно среди лесбиянок. А что? Это вам не безжизненная резиновая фигня. Удовольствие для обоих сразу.

Тем временем девки на экране во всю сношались, сопровождая свои движения охами-вздохами, да криками. Было забавно наблюдать за неумелыми движениями ведущей партнёрши. Не знаю кому как, но выглядит это почему-то у всех таких пар, как судорога, нежели полноценные фрикции. Между тем, блестящий фаллос то скрывался в киске, то вновь появлялся. То погружался на всю длину, то полностью выходил. Каждый раз, как брюнетка извлекала свой член, эхом разносился забавный «Чпок». А затем всё по новой. Фрикции, стоны наслаждения и неумолимое приближение конца. Моё приближение в том числе. Я уже был на грани и готов в любой момент выдать качественный залп. Рука задвигалась быстрее и точка невозврата была преодолена именно в тот момент, когда щелкнула поворачивающаяся ручка на двери.

— Саша, пошли банки соста... — мать не успела договорить, выглядывая из-за двери. Я же, в этот момент замер, но продолжал обильно кончать себе на руку. Почему-то в этот момент всё,

что я мог делать, так это сидеть без движения с членом в руке, который раз за разом выплевывал всё новые порции спермы. В этот момент моё лицо, пожалуй, выглядело так же, как и мамино: выпученные глаза и раскрытый от удивления рот. Она посмотрела на мой содрогающийся орган, зажатый в руке, перевела взгляд на монитор, а потом вновь на истекающий член.

— Аа... — всё, что мне удалось из себя выдавить.

— Да ничего с ними не случится, с этими банками, потом как-нибудь. — мама, с трудом скрывая волнение, вышла из комнаты и засемила к себе в спальню, или куда-то ещё.

Когда я пришел в себя, то мысленный вихрь в моей голове не давал мне покоя: «Что теперь, что же сказать, как в глаза то смотреть, может забудет к утру...» и прочая муть, от осмысления которой было ни холодно ни жарко, мешавшая мне убирать следы моей маленькой радости жизни. Единственно верный вариант, который мне показался самым разумным — подождать до утра, а там делать вид, что ничего такого особенного не произошло. С этими мыслями я, собственно, и заснул.

Мать увидел я только к следующему вечеру и вёл себя как можно более непринуждённо. Хотя всё-равно, казалось, что между нами сохраняется какое-то напряжение, но вполне возможно, это было не так, ибо сам ходил в постоянном волнении из-за того, что на эту тему рано или поздно придётся поговорить. Время шло, а наше общение так и не коснулось вчерашних событий, благодаря чему меня отпустили неприятные чувства, на смену которым пришла лёгкость.

Всё вновь стало, как раньше.

— Пойдем банки обратно составим. — сказала мама, загрузив посудомоечную машину и развернувшись ко мне.

— Да, точно, не успели же. — отозвавшись, я вышел из-за стола и поплёлся к кладовке.

Соленья хранились наверху, под потолком, в не самой удачной позиции. Куда-то поудобнее их переставить, как всегда, было просто лень и не хватало времени. У кладовки всегда стояла стремянка, которую в своё время собирались выкинуть соседи, но отец вовремя оказался рядом. Немного переварив и удлинив её, папа пристроил эту стремянку в хозяйство. С ней стало гораздо лучше и, в сравнении со стульями, безопаснее.

— Так, подавай сначала 3-х литровые, потом литровые. — скомандовала мама стоя на стремянке.

Потолки у нас высокие, поэтому на стремянке мы стояли вдвоём. Достаточно было чуть-чуть опустить голову и мамины трусики предстали бы у меня перед глазами, но судьбу испытывать не хотелось. Однако видом её попы я любовался каждый раз, когда она чуть нагибалась вперед, что-бы продвинуть банку по-дальше внутрь. Сарафан просто не мог скрыть её богадств. Ремень на талии, пожалуй, только подчёркивал ширину её бёдер и размер упругой попки. Хотя какая попка. Это была самая натуральная жопа. Та самая, которую всегда хочется похлопать, погладить, прижать к себе по-крепче, помять в руках, ощутив всю ту прекрасную гамму чувств, которую сейчас я мог себе только вообразить. Пожалуй вигвам на штанах надо как-то скрыть, а то неудобно будет, если заметит.

— Всё, щас литровые будут. — предупредил я снизу маму, облизав пересохшие губы.

— Ага, поняла. Как тебе снизу вид, нравится? — с улыбкой спросила она

— Да тут сарафан болтается, не видно же ничего. — я чуток лукавил.

— А. Так тебе мало? Ну на большее не рассчитывай. — посмеялась мать — Давай там дальше.

Я взял очередную литровую банку и подал. Про то, что ничего не видно, конечно приврал, её попа была во всей красе.

— О, это же яблочный джем. — она удивленно покрутила банку в руках.

Одна из банок оказалась вареньем, а они стояли под соленьями. Что-бы поставить её, мама не стала спускаться, ибо было неудобно, поэтому она просто посильнее прогнулась. Так получилось, что моя голова оказалась внутри сарафана, и прекрасный вид на её черные кружевные трусики был просто божественен. Это были прекрасные стринги, полоска которых умело пряталась между крупными ягодицами, мышцы которых аппетитно напряглись, удерживая тело в неудобной позе. Однако радость была не долгой, мама снова потянулась всем телом внутрь кладовки, пытаясь пристроить банку сладкого но, видимо её ждала неудача.

— Да куда же её поставить, — выдохнула мама и вновь разглядывала полку.

Я тоже выдохнул. Зрелище было довольно волнительное, из-за чего кровь в голову ударила моментально. Да и не только в голову. Парус на штанах был виден невооруженным взглядом, но заметить его мать никак не могла из-за ступенек, что к счастью.

— Та-ак, а что у нас там, — мама спросила сама себя и на этот раз прогнулась только в коленях.

Она сделала это слишком быстро. Так же быстро, как лицо ощутило её упругие ягодицы, а нос свежесть нижего белья. Это была непередаваемая мягкость. Даже несмотря на то, что длилось это всё не так долго, я был доволен. Такого подарка судьбы я просто не ожидал и был готов испачкать трусы прямо сейчас, продлись эти мгновения чуть дольше. Кожей лица я отчётливо ощутил мягкость её ножек и бархтистость попы. Я будто-бы погрузился маленькой частью в рай. Как свежая, качественно взбитая подушка. Лишь на секунду.

— Ой, — тонко вскрикнула мама и одёрнулась.

Бёдра начали подниматься, и вместе с этим послышался хруст разрываемой ткани. В следующую секунду мне на лицо упало нечто твёрдое округлое и теплое, можно даже сказать, жаркое. Я уже представил, чем таким жарким мама могла мне сесть на лицо и вновь был в миллиметре от оргазма, прежде чем решил открыть глаза. Посмотреть было на что. Оказалось это порвались трусики и теперь от них осталась только рваная ниточка, зажатая между ягодицами. Перед моими глазами красовались большие мясистые алые губки, закрывающие вход, как говорится, в святая святых. Даже в тусклом свете под сарафаном они поблёскивали от влаги. Чуть выше же, прямо под рваной тесёмкой того, что раньше было трусиками виднелось сморщенное колечко ануса, которое немного, может быть даже призывно, подрагивало. Однако меня быстро насторожил тот факт, что на моём лице лежит всё ещё нечто тёплое и подёргивающееся.

— Уф, ну как ты там. — мама задрала сарафан и встретилась со мной взглядом.

Только теперь я смог рассмотреть, что именно лежит на правой части лица. Это было ни что иное как член с огромными яйцами. Даже не так. Это был натуральный хер, обвитый напряженными венами, у основания которого висели яйца, размером, наверное, в полтора-два кулака. На конце этого агрегата красовалась бардовая залуца величиной с хорошее яблоко, наполовину выглядывающее из-под кожи. Щекой я чувствовал пульс, который давал ясно понять, что он совсем не искусственный, а вполне себе родной.

— Что, нравится игрушка? — улыбка озарила лицо матери. — Видала я вчера, на что ты там драчишь.

— А как эт... — начал было я, но в этот момент мне в рот упала головка её чудовища. Находясь в не самой удобной позе, падать со стремянки очень не хотелось, поэтому ничего умнее в голову не пришло, кроме как вытолкнуть изо рта непрошеного гостя. не прогадал. Мама резко выдохнула и её пробил мелкая судорога. Кожа покрылась мурашками, руки с силой сжали подолокотники, а бедра резко протолкнули член чуть дальше в меня, но через миг она вернулась к прежнему положению.

— О-ой, молодец какой, права я была. — мать запрокинула голову, — Ум-м-молодчина ты мой.

Её волосы растрепались.левой рукой, как-то резко через лифчик, ухватила за сосок и начала с силой его выкручивать, доставляя себе, таким образом, болезненное удовольствие. Пальцами, сквозь материю, она то оттягивала его, то закручивала в разные стороны. Затем взяла грудь в ладонку и принялась сжимать так, что между пальцами проступала плоть, казалось, ещё чуть-чуть и лопнет. Очевидно, мать была в экстазе и приближалась к пику своего наслаждения, пытаясь всеми способами приблизить свой оргазм. Это радовало и меня, учитывая положение.

— Угх. — руки ощутили, как её яички поджались, — Иди сюда. — с этими словами она вновь обхватила мою голову, привстала и начала остервенело долбить моё горло на всю длину. От такой неожиданности я чуть не упал, но таки сумел упереться руками в пол, а позвоночник неприятно выгнулся вперед. Но, в целом, стало чуть удобней. Ртом я почувствовал, как мамина елда начинает редко пульсировать, а залуца стала ещё толще, хотя казалось, куда дальше.

— ХМ... — она напряглась всем телом, задержала дыхание и придавила мою голову к паху. — О-ох! Как же хорошо. — после этих слов её член сильно дёрнулся, головка еще сильнее расперла стенки пищевода, а по желудку начало растекаться обжигающее тепло. Не только её член, но и тело содрогалось в оргазмическом припадке. С каждым новым толчком она всё сильнее накачивала мой живот, наполняя все новыми и новыми порциями спермы, пока поток не прекратился. Всё мамино тело мелко подрагивало. Грудь вздымалась в такт тяжелому дыханию. Она пыталась перевести дух. В конце-концов она отпустила мою голову и устало откинулась на кресле, пытаясь отдышаться вместе со мной. Я переместил руки к своему члену, который был готов выпустить свой залп и, было очевидно, долгой стимуляции мне явно не требовалось. Спустить уже нетерпелось. Я быстро-быстро заработал рукой, желая скорейшей разрядки.

— Фух. Видишь, как хорошо, а ты упирался. Уж сколько лет так приятно не было — мама на меня устало взглянула и, будто чего-то испугавшись подскочила ко мне. Мне в этот момент было на всё плевать, я был на грани извержения, — Нет-нет-нет, — запротестовала она, — чего удумал, — её рука потянулась к моему члену, но совсем не помощи ради. Она лишь слабым щелбаном ударила по головке, отчего член начал медленно опадать, — вот так гораздо лучше — улыбнулась мать.

Возбуждение было просто нестерпимым, поджилки тряслись, хотелось скорее кончить, но вопреки всему член продолжал опадать, успев выпустить лишь тонкую струйку, которая теперь сползала по головке и руке, оставляя за собой след нудавшегося оргазма. Я взвыл. Моя попытка онанировать интенсивнее ни к чему не привела, только руки сильнее устали.

— Хм. Так я тебе и дам кончить. После оргазма, моего члена ты не захочешь, а мне теперь нужна будет вечно голодная шлюха. Поэтому, старайся лучше в следующий раз. Может даже,

позволю выпустить пар. — лицо мамы расплылось в улыбке, и она, подмигнув, зашагала к двери, аппетитно покачивая бёдрами, в то время как я, сидя на том же месте, работал рукой аки заяц-энерджайзер, пытаюсь привести в чувство увядающий член.

— Хотя. — мама остановилась у дверей и развернулась, — Небольшое поощрение ты всё-таки заслужил. — подойдя ко мне, она наклонилась и взяла в руку мою мошонку. Я уже было по-надеялся на оргазм, но быстро понял, что ошибался. Яички начало сильно покалывать, и их пронзила довольно неприятная тупая боль. Мать при этом пристально смотрела и улыбалась. С каждой секундой они становились больше, наливаясь объёмом, а вместе с ними росла и распирающая боль. — Ну. До утра наверно хватит. — в итоге, налюбовавшись и удовлетворившись своей работой, она вышла из комнаты, бросив лишь одно — Наслаждайся.

Мои яйца теперь были размером с кулак, но в чем смысл? Кончить хотелось всё так же с сумасшедшей силой но член лежал, игнорируя все манипуляции. И так и эдак я пытался его простимулировать, но тщетно. Он спал, в то время, как возбуждение давило со всех сторон, как бы угрожая: не будет разрядки — польётся изо всех щелей. Я усиленно пытался.

Больше ничего не будет, как раньше.